

свободы и возрождения поэзии. И Гюго, и Виньи полагают, что поэт имеет божественное предназначение и наделен пророческим даром. При этом Гюго конкретизирует положение поэта: его миссия социального значения, он пророк революции. Гюго сужает метатекстуальное значение поэзии как боговдохновения до конкретного общественно-политического значения. В сборнике В. Гюго «Rayons et Ombres» («Fonction du poète», 1839) концепция поэта получила развитие на метатекстуальном уровне. Боговдохновенный поэт провозглашает будущее и ведет народы к свету, к цивилизации (сен-симонистское влияние). В эпоху безбожия поэт должен подготовить «новые времена» («он – человек утопий») и, подобно пророку («ступни здесь, глаза смотрят вперед»), – «освещать будущее». Архетипический образ поэта – аналога света, огня, ясности, духовности, воспламеняющегося сердца в романтической традиции – соединяется с образом жертвы, изгоя. Но поэт испытывает только жалость к тем, кто его презирает. В финале звучит призыв: «Народы, слушайте поэта! /Слушайте этого святого мечтателя! /В ночи вашей жизни... свет исходит только от него...». Он – символ милосердия и божественной любви: «в его душе звучит тихий голос Господа». «Он излучает! Он отбрасывает свет на вечную истину!»; он – «источает свет в души, города и пустыни, королевские дворцы и хижины, равнины и горы»; «поэзия – это звезда, которая ведет к богу королей и пастухов». Этой концепции поэзии и миссии поэта подчинен выразительный стиль: метафорика, призывные обращения, восклицательные предложения (более 10 восклицаний). Только четвертая строфа, в которой речь идет об унижениях и испытаниях поэта, стремящегося сохранить и пронести к свету божественную идею и человеческую традицию, выдержана без восклицаний: Поэт пронесит Слово сквозь тернии и руины, «под гнетом зависти и насмешек», как благословенную, «человеческую и божественную идею», «корень которой – прошлое, а листва – будущее».

В концепции обновленного поэтического слова А. де Ламартина соотношение метатекстуального и контекстуального аспектов иное. Ламартин утверждает (*Destinées de la poésie*, 1834), что поэзия должна быть «поющим разумом», но остаться «интимной, личной, рефлексивной и серьезной»; она – «не игра ума, не каприз легкой поверхностной мысли, но глубинное, реальное искреннее отражение самых высоких помыслов разума, тайных впечатлений души». В отличие от В. Гюго, Ламартин не связывает новшества поэзии с политической революцией: «Поэзия освободилась от искусственных форм: она выступает в свойственных ей формах, она больше не подчиняется обязательным формальностям (*elle n'invente plus de machine*), но открывает душу поэта. Поэзия должна сохранить философскую, рациональную, политическую, социальную, образовательную миссию и стать народной, как религия и философия, чтобы «популяризировать правду, любовь, разум, возвышенные религиозные чувства и энтузиазм». Народ обладает поэтической душой, ибо он ближе к природе (руссизм). В свете новой религии Ламартин видит великую миссию поэта в том, чтобы быть переводчиком между народом и природой. Поэт должен просветлить народ, объяснив ему, что через «чувства, заключенные в его языке», Бог вложил в его сердце «доброту, достоинство, благородство и набожный энтузиазм»[2].

В первой половине XIX в. уже отдавали приоритеты «высшей природе и высшему призванию» человека, изображая «падшего» как жертву общественного неблагополучия. В новых исторических условиях идут поиски целостной натуры, единство духа противопоставляется двойственности, рождается новый этический идеал и новая концепция гения, тяготеющего к гражданственности.

Литература:

1. Шлегель Ф. Философия языка и слова.
2. Expression française. Thèmes et textes. – Paris: Librairie Delagrave, 1964.-P. 269.

Поступила в редакцию 15.11.2002

КАВКАЗ КАК КОНЦЕПТ РУССКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

Л. П. Иванова

Национальный педагогический университет имени М.П. Драгоманова

В статье рассматривается переход понятия Кавказ в концепт русского национального сознания XIX-XX веков на материале поэзии и прозы Г.Р. Державина, В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, И.А. Бунина, А.И. Приставкина.

Ключевые слова: «свое», «чужое», концепт, Кавказ

У статті розглядається перехід поняття Кавказ у концепт російської національної свідомості XIX-XX століть на матеріалі поезії і прози Г.Р. Державіна, В.А.Жуковського, О.С.Пушкіна, Л.М.Толстого, І.О.Буніна, О.І.Приставкіна.

Ключові слова: «свое», «чуже», концепт, Кавказ

The article deals with the transformation of the notion the Caucasus into concept of Russian national consciousness during XIX-XX centuries basing on T.G.Derzavin's, V.A.Zhykovsky's, A.S.Pushkin's, L.N.Tolstoy's, I.A.Bynin's, A.I.Pristavkin's poetry and prouse.

Key words: native, alien, concept, The Caucasus

Проблема концептосферы всякого национального языка является в современной лингвистике одной из наиболее актуальных. Возникает вопрос: является ли Кавказ концептом? Сложилось представление, что концепт – явление сугубо национальное, оно специфично для каждой культуры. Кавказ – заимствование, однако в процессе ознакомления с жизнью и природой этого региона происходит как бы культурное присвоение, введение его в сферу «своего».

Рассмотрим, как воспринимался Кавказ в творчестве поэтов (известно, что поэты – наиболее чуткая часть общества, ярко отражающая черты современной им жизни и мировоззрение собственного этноса) XIX века, а также пунктиром наметим переход понятия Кавказ в одноименный концепт на материале русской художественной литературы XIX-XX веков.

Объектом исследования явились характеристики Кавказа поэтами и писателями начала XIX в. (Г.Р. Державин, В.А. Жуковский, Н.В. Гоголь, А.С. Пушкин), середины XIX в. (Л.Н. Толстой), начала XX в. (И.А. Бунин), середины XX в. (А.И. Приставкин). Естественно, эти ряды можно было бы продолжить, однако в интересующем нас аспекте картина вырисовывается довольно четко.

При анализе языковых фактов стало очевидным восприятие Кавказа русскими людьми в системе координат «свое»-«чужое».

Начало XIX в.

Кавказ, безусловно, находится на полюсе «чужое», однако не чуждое, т.е. Кавказ воспринимается с опаской, но и с уважением.

В рассматриваемый период Кавказ описывается в 2-х основных аспектах: природа и быт, нравы кавказцев.

Г.Р. Державин в оде графу Зубову пишет о природе Кавказа:

«...Зрел ужасы, красы природы: Как с ребр там страшных гор лиясь, *Ревут* в мрак бездн *сердиты* реки; Как с чел их с грохотом снега Падут, лежавши целы веки; Как серны, вниз склонив рога, Зрят в мгле спокойно под собою Рожденье молний и громов... Там солнечны луги, средь льдов, Средь вод, играя, отражаясь, *Великолепный* кажут вид; Как, в разноцветных рассеаясь Там брызгах, тонкий дождь горит; Как глыба там *сизоянтарна*, Навесясь, смотрит темный бор; А там заря *златобагряна* Сквозь лес увеселяет взор».

В первой части оды преобладают отрицательные характеристики: эпитеты страшны (горы), сердиты (реки); мрак (бездн), ужасы (природы).

Вторая часть содержит положительно-восхищенное описание: эпитет великолепный (вид), метафоры (дождь) горит, (заря) увеселяет взор; особый интерес представляют окказионализмы – прилагательные сизоянтарна и златобагряна.

А.С. Пушкин оценивает оду Г.Р. Державина как «превосходную», а стихи, посвященные Кавказу в послании В.А. Жуковского Воейкову, «прелестными».

У В.А. Жуковского находим, с одной стороны, описание великолепия природы, а с другой стороны – нравов кавказских народов, этническое имя каждого названо автором.

Описание природы: «И вдалеке перед тобой, Одеты голубым туманом, Гора вздымалась над горой, И в сонме их гигант седой, Как туча, Эльбрус двуглавый. *Ужасною и величавой* Там все блистает красотой: Утесов мшистые громады, Бегущи с ревом водопады Во мрак пучин с гранитных скал; Леса, которых сна от века Ни стук секир, ни человека Веселый глас не возмущал, В которых *сумрачные* сени Еще луч дневный не проник, Где изредка одни елени, Орла послышав *грозный* крик, Теснясь в толпу, шумят ветвями, И козы легкими ногами Перебегают по скалам. Там все является очам *Великолепие творенья*».

В данном фрагменте прослеживается практически та же модель описания, что и у Г.Р. Державина: эпитеты ужасная (красота), сумрачные (тени), грозный (крик) вызывают отрицательные характеристики, смешанные с восхищением: красота Эльбруса не только ужасна, но и величава.

И вся природа Кавказа – «великолепие творенья». Старославянизмы поднимают восприятие Кавказа до высот божественного.

В.А. Жуковский, пожалуй, один из первых (или первый?) в русской литературе повествует о быте и нравах кавказских народов: «...часто *притаясь* на берегу, Чеченец иль черкес сидел Под буркой, с *гибельным* арканом; ...Но там – среди уединенья Долин, *таящихся* в горах, – Гнездятся и *балкар*, и *бах*, И *абазех*, и *камуцинец*, И *карбулак*, и *албазинец*, И *чечереец*, и *шансук*, *Пищаль*, *кольчуга*, *сабля*, *лук* И конь – соратник быстроногий – Их и сокровища, и боги; Как серны скачут по горам, *Бросают смерть* из-за утеса; Или, по топким берегам, В траве высокой, в чаще леса Рассыпавшись, добычи ждут: Скалы свободы их приют; Но дни в аулах их бредут На костылях *угрюмой* лени: Там жизнь их – сон; стеснясь в кружок И в братский с табаком горшок Воткнувши чубуки, как тени, В дыму клубящемся сидят И об убийствах говорят, Иль хвалят меткие пищали, Из коих деды их стреляли; Иль сабли на кремнях острят, Готовясь на убийства новы...». Фрагмент четко распадается на 2 части: описание разбойничьих действий и жизнь в ауле.

В первой части интерес представляют следующие семантические ряды: 1) названия народностей, живших в то время на Северном Кавказе (балкар, бах, абазех, камуцинец, карбулак, албазинец, чечереец, шансук); 2) названия оружия горцев (аркан, пищаль, сабля, лук).

Основная сфера деятельности – охота (в том числе и на людей, потому что на животных с саблями не охотились): сидел ...под буркой *притаясь* на берегу; долины в горах тоже *таятся*; в траве высокой, в чаще леса...добычи ждут. Кавказцы прекрасно владеют оружием: они набрасывают *гибельный* аркан (эпитет); *бросает смерть* из-за утеса – метафора, характеризующая действия все с тем же арканом.

Главное содержание жизни кавказцев – набеги: оружие и конь – «сокровища и боги», образ жизни – свобода на лоне дикой природы: «скалы свободы их приют».

Жизнь в ауле противопоставлена набегам: в первой части описания динамичны прежде всего за счет глаголов действия, во второй части развивается метафора «дни в аулах бредут на костылях угрюмой лени»; жизнь – сон, навеванный курением чубуков. Эпитет *угрюмая* лень обуславливает темы разговоров: убийства, совершенные их дедами, и предстоящие убийства.

Следовательно, в лирике начала XIX века Кавказ воспринимался как безусловно чужой, хотя восхищение природой Кавказа неизменно. Обращает на себя внимание удивительная идентичность восприятия Кавказа такими совершенно разными людьми, как Г.Р. Державин и В.А. Жуковский. Возможно, этот факт обусловлен тем, что оба не были на Кавказе и знали его по чужим описаниям, т.е. формировалась точка зрения общества того времени на Кавказ и кавказцев.

В отличие от своих предшественников, А.С. Пушкин выработал *собственное* представление о Кавказе, основанное на личных впечатлениях. Великий поэт отдал дань Кавказу в лирике: ставшее хрестоматийным стихотворение «Кавказ», известное даже детдомовцам военной поры в повести А.И. Приставкина «Ночевала тучка золотая», а также «Обвал», «Делибаш», «Монастырь на Казбеке», написанные в 1829 г. В этих произведениях А.С. Пушкин продолжал традиции, заложенные его предшественниками Г.Р. Державиным и В.А. Жуковским: Кавказ воспринимался как безусловно чужой, хотя восхищение природой Кавказа неизменно. Так, например, в стихотворении «Монастырь на Казбеке» автор обращается к Казбеку: «Казбек, твой царственный шатер Сияет вечными лугами». Эпитеты царственный, вечный обуславливают стремление лирического героя к вожделенному берегу, вольной вышине в заоблачную келью, чтобы быть в соседстве Бога.

Несколько выходит из данного ряда стихотворение «Делибаш» (в примечании читаем: «Делибаш по-турецки буквально – отчаянная голова». В нем автор предостерегает от ненужных воен, потому что в них не может быть победителей: «Мчатся, сшиблись в общем крике... Посмотрите! каковы?.. Делибаш уже на пике, А казак без головы». В этом стихотворении горец – чужой, противник.

Герои рассказа И.А. Бунина воспринимают Кавказ как нечто чужое, но не чуждое, они смотрят на него глазами своего народа – внимательно и доброжелательно.

Рассмотрев описание Кавказа и кавказцев в русской литературе XIX века, можно сделать некоторые выводы. Освоение Кавказа русской культурой XIX-XX веков прошло несколько этапов: в начале XIX века, в поэзии Г.Р. Державина и В.А. Жуковского, лирике А.С. Пушкина, Кавказ прекрасен и абсолютно чужд. Автор и герой поэмы «Кавказский пленник» А.С. Пушкина воспринимают Кавказ неоднозначно: восхищение природой, некоторыми обычаями, осуждение дикости и разбоя. В поэме встречаются экзотизмы, связанные с жизнью Кавказа. У Л.Н. Толстого количество экзотизмов увеличивается, наблюдается транслитерация чеченских слов. Автор и герои воспринимают

горцев по-разному: от сходства оценок, принятия реалий быта и подражания костюмам до отторжения Оленина от жизни казаков. У И.А. Бунина Кавказ – место радости и любви. Следовательно, по мере знакомства с жизнью Кавказа происходит движение по шкале чужое-свое в направлении своего. Подчеркнем, что на всех этапах всеми героями Кавказ воспринимался с уважением и стремлением постичь его быт и нравы. В повести А.И. Приставкина герои проходят сложный путь от традиционного восхищения природой Кавказа, восприятия его как воплощения мечты, земли обетованной через вражду, страх к пониманию необходимости уважать чужие обычаи и традиции, потому что будущее – за братским движением вперед. В рассматриваемой схеме координат это выглядит примерно так: чужое – чуждое – свое.

Мы отдаем себе отчет в том, что наши наблюдения неполны и в большой мере пунктирны, поскольку Кавказ занял достойное место в русской литературе, однако путь концептуализации Кавказа прослеживается довольно четко. Изучение темы Кавказа в лингвокультурологическом освоении ее русской культурой еще ждет своего исследователя.

Поступила в редакцию 11.11.2002

КОНЦЕПТ «ВОИН» В ПОЭЗИИ А. С. ПУШКИНА

У.А. Карпенко

Киевский национальный университет им. Т. Г. Шевченко

В статье анализируется отражение концепта «воин» в русской культурно-языковой традиции на материале поэтического творчества А. С. Пушкина, делаются выводы о мифологизации «воина» под влиянием фольклорно-мифологического мышления, также делается предположение о возможности заимствования концепта из одной языковой культуры в другую, как понятие «джигит» было заимствовано в русский культурный фон.

Ключевые слова: концепт, воин

У статті аналізується віддзеркалення концепту “воїн” у російській мовно-культурній традиції на матеріалі поетичної творчості О. С. Пушкіна, робляться висновки про мифологізацію “воїна” під впливом фольклорно - мифологічного світосприйняття, також робиться припущення про можливість запозичення концепту однієї мовної культури в іншу, як це сталося із поняттям “джигіт”, що його було внесено до російського культурного фону.

Ключові слова: концепт, воїн

In the present article we analyze the phenomena of the Concept and the reflection of the concept the “warrior” in the Russian Cultural Tradition, in the poetic legacy of A. S. Pushkin. As a conclusion we suggest, that the vision of the “warrior” owes much to the folkloristic and mythological perception of the world, and also we suggest an idea, that the concept may be borrowed from one culture to another as it was with the concept of “gighit”, borrowed into the Russian culture.

Key words: concept, warrior

В когнитивной лингвистике концепт – это термин, служащий объяснению единиц ментальных или психологических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*) всей картины мира, отраженной в человеческой психике [1, с.90].

Ю.С. Степанов считает, что концептом может быть далеко не всякое понятие, а лишь то, что несет культурную информацию: это «сгусток культуры в сознании человека, и ...то, в виде чего культура входит в мир человека, и ...то, посредством чего человек ... сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [2,40]. Иными словами, «концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [2, с.41].

Цель данной статьи – рассмотреть отражение концепта «воин» русской культурно-языковой традиции в поэтическом творчестве А. С. Пушкина – основоположника и реформатора русского литературного языка.

Обратимся к этимологии слова, репрезентирующего данный концепт. Воин – общеславянское, производное – с помощью суффикса -инь- от вои - «воин» (ср. образованные от него же